

ОНТИЕ культуры многозначно. Не будем пытаться выразить его какой-нибудь одной формулой. Можно сказать, например, что культура — совокупность общественных, умственных и производственных достижений человечества. Но в такой формуле бесследно исчезает как раз то, о чем мне хотелось бы поговорить, — исчезает разноречивое внутреннее состояние человека, которое является отражением его духовного мира. Мне кажется, пришла пора серьезно задуматься над духовным миром человека, живущего и действующего в нашей стране. Потому что страна переживает период, который требует от каждого большей воли, большей энергии, большей требовательности по отношению к самому себе, чем прежде. А воля, энергия и требовательность к себе не могут перейти на более высокую ступень развития, если они не основаны на нравственном сознании, то есть на правде, законности и чести.

Сталкиваясь с беззаконием, бесчестьем, трусостью, рассчитанной лезть, карьеризмом, обманом доверия, культура испытывает болезненный удар, а накопление этих ударов приводит к деформации нравственности, для восстановления которой требуются годы. Самый болезненный удар — причем удар, распадающийся на множество маленьких, подчас почти незаметных ударов, — производят могущественная властелины — «богини ложь». Культура отношения как одно из проявлений духовной жизни не может существовать и развиваться в атмосфере лжи. Это доказывает вся мировая история. Если в обществе начинают развиваться не подлинные, не правдивые отношения, возникает мнимая нравственная атмосфера, которая в конце концов неизбежно приводит к политике, не останавливающейся перед крайностями. В моей долгой жизни были такие периоды, оставившие недобрую память. О культуре отношений в подобные времена не стоит и говорить. Впрочем, стоит, потому что такая политика исключает культуру отношений.

Но вернемся к вопросу, который не только меня заставляет вздохнуть за перо. К сожалению, за последние годы я все реже встречаю подлинно культурных людей. Может быть, в моих словах есть доля небоснованной требовательности — все-таки я уже очень пожилой человек. Но ведь не случайны же эти настоятельные разговоры о необходимости «поднять культурный уровень», неоднократно повторяющиеся в прессе, в любом интеллигентном кругу.

Тут без примеров не обойтись. Любые слова повиснут в воздухе, если не будут опираться на факты. А фактов много — в моей жизни бесчисленно много.

МНЕ ПОВЕЗЛО: и в детстве, и в зрелом возрасте, и в старости я встречался с культурными людьми. Я встречался с ними и в провинциальном городе, где я вырос, и в Ленинграде, и в Москве, и в моих многочисленных поездках по стране, и на войне, и в тылу.

Мальчиком 9—10 лет я оказался свидетелем беседы, происходившей между моими старшими братьями и их друзьями. То были десятки годы, спорили о Гамсуне, Ибсене, Достоевском, Толстом. Слушая их, я чувствовал и значение этих юношеских споров, и значение литературы в их жизни. Недаром, кончая гимназию, они выбрали жетон с толстовским девизом: «Счастье — в жизни, а жизнь — в работе». Так в детстве мне впервые представились люди, неразрывно связанные с культурой, значения которой в целом я еще, конечно, не представлял. Но я видел, что они были очень близки друг к другу, ругались друг за друга, помогали друзьям в трудных обстоятельствах, показывали образцы смелости и благородства. И всему этому я интуитивно учился.

Я очень рано познакомился с русскими классиками Тургеневым, Гончаровым, Толстым. Я тогда, разумеется, не понимал, что литература — одно из самых отчетливых и выразительных проявлений культуры, в особенности русская литература, которая — об этом хорошо написал Д. С. Лихачев — возникла из скрепления духовной и светской традиций и, возможно, в силу этого не поучает, но всегда учит.

Юность моя сложилась счастливо. Я поступил одновременно в Петроградский университет и в Институт восточных языков. Позже я понял, что поступление в Институт восточных языков было результатом полного незнания себя, полного отсутствия представления о своей внутренней жизни, которое подчас толкало меня на неожиданные поступки. Кстати говоря, самознание, здоровая оценка своих возможностей и умение привести в соответствие им свои намерения — один из основных, бесспорных признаков культурного человека. Надо учиться с юных лет задумываться о себе, как делает, скажем, Николенька, сын Андрея Болконского, в «Войне и мире». Это дисциплинирует самооценку, приучает к критическому отношению к себе.

Итак, поступив в Институт восточных языков, я совершил ошибку. Но то была счастливая ошибка, потому что ей я обязан знакомством с И. Ю. Крачковским.

Арабский язык, которым я занимался, преподавал молодой преподаватель И. Кузьмин. Он рано скончался. Тогда за дело взялся Игнатий Юлианович Крачковский, Академик, ученый с мировым именем взял на себя труд ярого преподавателя. Он начал учить нас, первокурсников, азбуку и руководил нашими занятиями до окончания института. Это был поступок благородного человека, умеющего подчинить себя чувству долга.

Он был автором множества научных работ, многие из них и по сей день занимают ведущее место в мировой арабистике. Он написал необычайно увлекательную книгу «Над арабскими рукописями», в которой с поэтическим вдохновением рисовал картину научного труда.

Высокая интеллигентность Крачковского сказывалась по отношению ко всем: к ученикам, к обязанностям академика, к книгам. Когда, еще до войны, зашла речь, где стоять памятнику Пушкину в Ленинграде — тот, что был на Пушкинской улице, не соответствовал значению поэта; — с вопросом ко мне обратился именно Игнатий Юлианович, и мы обменялись письмами в журнале «Звезда». Во время войны, в начале блокады, когда я был уже военным корреспондентом ТАСС, он неожиданно пригласил меня на свою лекцию. В аудитории его ждали четыре человека. Это не смущало академика, и он довел лекцию до конца. Он жил в блокадном Ленинграде до последней возможности, его увидели почти насильно, оторвав от уникальной библиотеки...

Другой пример — Юрий Николаевич Тынянов, мой друг и учитель. Я уже упоминал об этой истории в книге «Письменный стол», но стоит повторить еще раз. Тынянов написал предисловие к поэме своего покойного друга Г. Мясоедова. Н. О. Лернер, пушкинист и эрудит, отказался от этой поэмы резко — неприлично резко по отношению к умершему поэту. Что же сделал Тынянов? Он стал тщательно изучать работы Лернера, устанавливать, насколько тот, торопясь, искажал истину. И написал статью — но не о Лернере, а о мнимом пушкинистическом. Вряд ли кто на месте Тынянова — и я, пожалуй, тоже — нашел бы в себе силы удержаться от того, чтобы ответить на резкость резкостью. Он удержался. Вот эта черта — умение себя вести, держать себя в руках, в определенных границах — драгоценная черта культурного человека.

Вспоминаю и случай с В. В. Вересаевым. У него была дача в Коктебеле. Жена, очень нервная и раздражительная дама, побила маленькую соседскую девочку, которая забралась в сад за яблоками. Узнав об этом, Вересаев уехал с дачи и никогда больше туда не возвращался.

Я рассказываю об этих людях не для того, чтобы поделиться воспоминаниями. В обществе существуют эталоны культуры, и они создают ту нравственную атмосферу, значение которой нельзя переоценить. Причем они существуют в любых слоях общества — и в интеллигенции, и в армии, и в крестьянской, и в рабочей среде. В армии таким образом порядочности для меня был адмирал А. Г. Головкин. Я много писал о нем. В писательском кругу таким образом был, разумеется, не только

Ю. Тынянов, но, например, и М. Зощенко, мужеством, терпением и оптимизмом которого я не перестаю восхищаться. В подмосковном поселке Переделкино живет мой друг и. А. Цветков, прекрасный, малый и умный человек. Он не читал ни Достоевского, ни Блока, но интеллигентность его не вызывает сомнения. В годы войны он пережил подлинную трагедию. Полк оказался вблизи его деревни, дети, два мальчика, бежали к нему позидаться, и во время одной из таких перебежек немцы застрелили их на глазах у отца. Мы встречаемся, вместе отматываем День Победы. По-своему он опекает меня, отговаривает от новой работы, ему кажется, что я работаю слишком много, не по годам. Когда он болеет, я прихожу к нему, в иные дни он навещает меня. Садик у него крошечный, но он непременно дарит мне яблоки, когда они созревают.

Мне могут возразить, что понятие дружбы не связано с понятием порядочности, интеллигентности, культуры. В самом деле, дружить могут и подлецы, и предатели, и просто дикие звери. Но то физиологическая дружба, лишенная драгоценного умения поставить себя на место другого. Лишенная самоотверженности, готовности при любых обстоятельствах принести свои интересы в пользу друга, а подчас и не только другу.

Я прекрасно понимаю, что пишу о характерах идеальных, редко встречающихся, что многие иронически улыбаются, читая эти заметки, потому что они окружены людьми пошлыми, мелочными, думающими только о себе. Но найдутся и другие, может быть, немногие, кто прислушается к словам человека, прожившего долгую жизнь и лицом к лицу встречавшегося с подлостью, трусостью, бесчестьем, предательством — с одной стороны, и с мужеством, добротой, благородством — с другой.

Не могу не вспомнить маленькую литературную группу двадцатых годов «Серасионовы братья». Ее горячо поддерживал Горький. Братские узы держались годами, но менялась литература, менялись обстоятельства — и в зависимости от них менялись отношения. Одни стали малозаметными писателями, другие заняли очень высокие, авторитетные общественные положения. Случилось так, что они стали администраторами, а администраторство по самому своему существу не очень совместимо с искусством. Дело в том, что подлинный художник сам по себе является общественным деятелем, который волюно или невольно участвует в борьбе с тем, что искажает контуры искусства, что навязывает искусству чуждую ему роль. Каждый произнес мысленно, а иногда и публично десяток речей, направленных против этого искажения. Речи не пропали даром. Они приучили — в данном случае я говорю о себе — оставаться наедине с самим собой, а ведь одна из тяжких сторон работы писателя в том, что он почти никогда не остается наедине с собой — с ним всегда тот, которого Твардовский метко назвал «внутренним редактором».

И здесь мне хотелось бы назвать еще одно непереносимое состояние человека культуры: умение сохранить профессиональное отношение к своему делу.

Разумеется, я не призываю к отказу от общественной деятельности. Но я думаю, что между этой деятельностью и практической работой художника (в широком смысле этого слова) должна сохраняться необходимая граница, за которой творческая свобода позволяла бы углубиться в себя, искать новое, обдумывать пройденный путь, оценивать его достоинства и недостатки. Иными словами — взвесить свою нравственную позицию, ибо только она строго предостерегает от ошибок, позволяет писателю остаться человеком искусства.

Когда меня спрашивают, бывали ли у меня разочарования в жизни, я отвечаю: неоднократно. И почти всегда они были связаны с тем, что дорогой мне человек отказывался от себя, от утвердившейся еще в молодости линии нравственного поведения и поступал не так, как должен был поступить. Умение держаться своей нравственной позиции тоже имеет прямое отношение к культуре. Культурный человек должен доверять своим нравственным ориентирам больше, чем мнению окружающих, даже если это мнение большинства. Верить своему нравственному чувству.

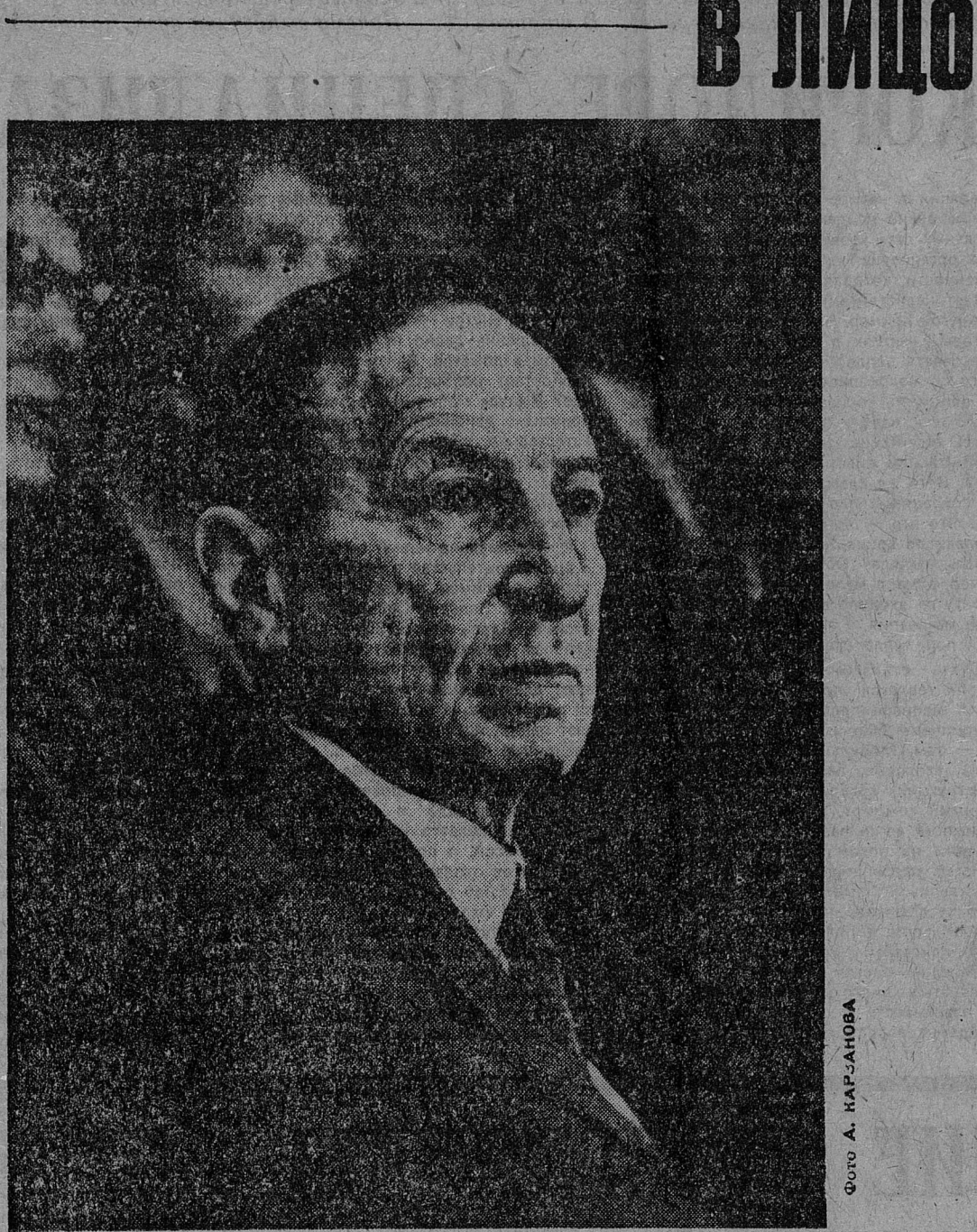
КОНЕЧНО, любой здравомыслящий человек вправе спросить меня: откуда же берется нравственное чувство — наш душевный каприз? Оно создано воспитанием и образованием.

Меня очень тревожит отсутствие подлинного интереса к вопросам культуры, к ее значению и назначению. В чем корни этих пугающих явлений? Бедно начинается с детства. Положение многих семейств неблагоприятно. Родители весь день на работе, на домашнее воспитание не хватает времени, благоприятная семейная атмосфера, значение которой бесценно, часто отсутствует. И школа именно в этом случае должна играть особую роль, но она ее не играет. Правда, она пытается внушить воспитанникам общечеловеческие правила: нельзя красть, врать, — но все это носит неубедительный, поверхностный характер. Ведь научить можно только тому, что ребенок, подросток, юноша видит собственными глазами. А если подчас в жизни своих родителей они видят ложь, притворство, воровство — трудно научить их быть искренними, правдивыми, честными.

Я много писал и пишу о школе. Пишут и другие — педагоги, литераторы, методисты. Над школьными вопросами мурлыкают десятки лет. И продолжают мудрить, забывая о том, что старая гимназия, хотя и имела серьезные недостатки, но тем не менее давала образование несравнимо более высокое, чем современная школа. Почему? Потому что нас учили подготовленные преподаватели, знающие свое дело. Не было Академии педагогических наук, но было необходимость ставить одних учителей в пример другим, как теперь ставят Сухомлинского и немногих других. Не было бесконечных, каждые пять лет, перемен в системе школьного преподавания, перемен, которые не дают возможности uphold традиции. Более того, вопрос о значении традиций никому и в голову не приходил! Окончательно решить проблему должны государственные люди. А государственных людей у нас и много, и мало. Но, во всяком случае, я надеюсь, для решения школьного вопроса такие люди найдутся.

Я много раз писал о том, что педагогические институты выпускают неподготовленных педагогов. А ведь только педагог может дать школьнику то, чего он не получает в семье. Внушить интерес к процессам, происходящим в стране, показать историческое значение прошлого, объяснить необходимость искусства, которое незримыми нитями связано с технологической, производственной стороной нашей жизни, организовать кружки, общества внутри школы, которые расширили бы познавательные возможности детей в условиях все более напряженной программы. Наконец, научить мыслить, отказываясь от стандартных моделей, стершихся слов.

Чем занято сегодня наше юношество? В состоятельных семьях дети чаще всего избалованы и тратят дорогое время, гонимая за заграничными кассетами. Подавляющее большинство юношей и девушек живут иначе, но несчастны в том, что и те, и другие не думают о том, что за любые блага в жизни надо платить. Мне кажется, нужно так перестроить жизнь, чтобы дети рассчитывали лишь на минимальную помощь родителей. И, во всяком случае, не наделись, что будут жить на родительский счет до 30 лет. Пока мы этого вещественно не почувствуем, пока наше состояние, довольствующееся привычными понятиями, сознание не придет к неизбежности крутых перемен, наша молодежь будет активно пополнять энергично действующее сословие нувориши с их нездоровым стремлением к бесцельному, раздражающему существованию.

Фот. А. НАР-АНОВА

Каждый должен будет спросить себя: что ты сделал для страны, общества, государства? Этот вопрос — граница между теми, кто живет и работает для себя, и теми, чья жизнь связана с интересами страны.

Сегодня перед нашим обществом стоит задача ускорения. Но мы ничего не добьемся в ускорении, если решать эти задачи станут малолетельные люди. Они будут только мешать делу. За минувшие годы, когда многое тщательно скрывалось, когда инициатива была погашена, когда ни школы, ни вуз не играли той роли, которую обязаны играть в наше время, в общественном сознании образовались провалы, которые теперь нужно перестроить. А это трудно. Очень трудно переключиться на другой тип мышления, в котором подобающее место отводится культуре и интеллекту.

Сегодня все занято узкой специализацией. И разговоры о широте кругозора могут показаться ненужными, даже бесполезными. Сегодня нередки хорошие работники, плохо знающие произведения Ленина и не читавшие Маркса, хотя и берущие на себя дело огромной государственной важности. Но надо читать — и вдумчиво читать — и Ленина, и Маркса. Они-то как раз знали, что такое государство нельзя построить без помощи искусства как мощного инструмента культуры.

Да, технический прогресс необходим. Но его ускорение затруднено. И затруднение будет возрастать, если люди, которые занимаются им, будут бесконечно далеки от искусства. Это звучит парадоксально. Но я убежден: если бы в жизни тех людей, которым непосредственно поручено это ускорение, свое место, хотя бы небольшое, занимало искусство, они легче решили бы задачи, которые ставят перед нами жизнь. Без помощи искусства, культуры нельзя ни построить жизнь, ни улучшить ее. Потому что только культура обладает силой, воздействующей на души людей, — могучим нравственным зарядом.

Широта интересов должна быть заложена с детства. И тогда в зрелости она даст хорошие результаты. В молодости я был близок к кругу ленинградских ученых. В их числе были А. Ф. Иоффе, Г. Н. Семенов. Это были люди, высоко ценившие гуманитарное образование и охотно участвовавшие в нашем научно-литературном обществе, созданном при Союзе писателей в Ленинграде. Позже, живя в Москве, я не раз по серьезным литературным делам обращался к физики П. А. Капице, к геологу А. А. Яншин. Они неизменно и охотно помогали, это истинно государственные люди, у которых любовь к культуре — в крови.

Я не думаю, что технологи или биологи (в широком смысле) должны замыкаться в пределах своей специальности. Я не думаю, что они не понимают того, что невозможно, с одной стороны, превратиться в дикарей, отказавшись от культурного кругозора, а с другой — продолжать создание современных сложных машин. Движение вперед возможно только за счет того кругозора, в котором — это тоже нужно понять — одно из первых мест должно занимать знание прошлого той науки, того дела, которому человек отдает свою жизнь.

Прошлое всегда раскрыто не до конца. И нередко случалось, что брошенная, не доведенная до конца мысль через 20 или 30 лет, когда к ней возвращались, оказывалась фактором, необходимым двигателем науки вперед, обогащая его.

По меньшей мере знание прошлого своего дела, своей профессии, по большому счету — знание истории хотя бы в минимальной степени — непереносимое условие успешного труда современного интеллигентного человека.

НАДО ЛИ говорить, как важно знание прошлого для литератора! К сожалению, в этом отношении дело, по моему, обстоит особенно плохо. Профессиональные знания многих наших литераторов очень неглубоки: плохо знают нашу древнюю литературу, нашу необычайно богатую литературу XIX века. «Вершинных» русских писателей Тургенева, Достоевского, Толстого часто знают только по выдающимся произведениям. Что говорить о классиках — творчество многих первоклассных советских писателей тоже почти забыто. У нас издают много-

готовые собрания второстепенных писателей, но нет до сих пор необходимых собраний Тынянова, Булгакова, Пастернака, Ахматовой...

Я не говорю уже о писателях так называемого «второго эшелона». Это огромная литература, которая остается совершенно за пределами критических споров, обсуждений и т.д. Не хватает у нас размаха, который был характерной чертой блестящих критиков XIX века. Белинский сумел в первых своих статьях охватить всю литературу и сделать выводы, повлиявшие на развитие литературы в целом. Скажут, у нас нет и Пушкина, и Гоголя. Но ведь Белинский писал не только о великих.

Обзоры — тем более что у нас есть очень талантливые критики — я считаю необходимыми. В них нуждается и критическая мысль, и практическая деятельность литератора. Надо знать место, которое ты занимаешь в истории своей литературы.

У нас нет ни одного теоретического обзора, намекающего на направления, рассматривающего всю литературу XX века в целом. А ведь сами собой намечаются периоды, выстраиваются взгляды. Кто будет отрицать, что с «Мастером и Маргаритой» свежий воздух ворвался в нашу литературу? В ней стала возможна фантастика, отмеченная современной остротой. Появилась возможность смотреть на быденное существование как на чудо. Глубокие исторические параллели волновали читателей и заняли в литературе свое место, принадлежавшее им по праву. Появилась оригинальная оппозиция быденному сознанию, развязавшая жанровые традиции. Вспомним (и недаром) Сухово-Кобылина, Салтыкова-Щедрина, Сенковского, Вельтман. Возобновились традиции — появились последователи: Вл. Орлов, Нина Катерли, Татьяна Толстая...

Роман Булгакова обнажил необходимость взглянуть в себя: мы ведь годами жили, делая вид, что литература не уклоняется от правды. Между тем она становилась целенаправленной, попустой.

Почему мы так плохо помним сегодня произведения некоего знаменитого П. Павленко? Почему в памяти ценителей литературы сохранились не его большие наумевшие романы, а маленькие повести «Пустыня», «Степное солнце»? Потому что романы были написаны для самостоятельного существования цели и лишь в редких случаях связаны с высоким искусством. А в повестях чувствуется внутренний взгляд художника, они написаны как бы «для себя». Но и для читателя, который сумеет увидеть и оценить этот внутренний взгляд.

И тут мы невольно приходим к главному, к главному вопросу культуры — ее соотношению с моралью. Это очень важный вопрос. Ведь существует мнение, что подлинно свободная культура — имморальна, то есть находится вне морали. Так думал, например, Артур Рембо, считавший священным «разстройством» своих мыслей, пытавшийся противопоставить гуманизму культуры цинизм авантюриста. Он объявил себя конкстадором, бросил поэзию, стал агентом какой-то фирмы в Африке, пытался составить состояние, носил пояс, набитый золотыми монетами, и умер в Марселе, в госпитале, в котором никто не знал, что он — поэт.

И Жан Жак Руссо отрицал положительное влияние культуры на нравственность. В наше время, к счастью, кажется, никто не разделяет эту мысль, но вопрос нравственной позиции деятелей культуры — важный и современный вопрос.

Рембо продал свою поэзию за золотой пояс. Иные литераторы, художники, музыканты продают свое искусство за положение, за карьеру. Нельзя допускать, чтобы один бесцельный писатель, почему-то постоянно печатающийся, поддерживал другого бесцельного писателя. И оба, как говорится, «держались бы на плаву», убеждая общество в беспорочном значении друг друга. У нас нет Белинского, который одной статьей опрокинул славу Бенедиктова. И я пока не вижу условий, при которых мог бы появиться современный Белинский. Повторяю, у нас много талантливых и даже первоклассных критиков, но мужества и принципиальности Белинского, смело показавшего истин-

ную панораму литературы, сказавшего о ней правду, безусловную, бескомпромиссную правду, мужества им не хватает.

А МЕЖДУ ТЕМ именно к такой правде, считающейся с высоким положением и подчас со всеобщим, но ложным признанием, зовет нас время. Время героических деяний великих завоевателей — но и время мнимых авторитетов, обмана, предательства, фальшивых карьер, времени досказанности, необходимости досказать то, что еще замолчено, утаено. Время прямого взгляда в лицо, откровенного разговора, без стремления извлечь из него пользу для себя, а не для дела. Разумеется, я отдаю себе полный отчет в том, что подобная перемена не может произойти в течение двух или трех лет. Но нужны примеры, нужно начало, которое бы, согласно поговорке, «поддела откала ло». Хочу надеяться, что нам удастся преодолеть причины, тормозящие процесс обновления литературы.

Время обязательно заставит нас задуматься над вопросами, настоятельно требующими ответа, над вопросами развития культуры. Каждый должен будет спросить себя: что ты сделал для общества, страны, государства? Этот вопрос — граница между теми, кто живет и работает для себя, и теми, чья жизнь связана с интересами страны. Сегодня у нас обнаружено бесчестье. Люди, занимающие высокие должности, не соответствовали тому месту, которое они занимали. В культуре обнаружилось подхалимство, лицемерие, неумение оценить достоинство как непрямое свойство порядочного человека. Обнаружилось неуверенность как прямое следствие страха перед произволом. Начать новое в таких условиях — совсем не просто.

Начинать надо с нравственной задачи. Какой? Левин в «Анне Карениной» бьется над формулировкой нравственной задачи. И решает в конце концов, что надо жить, не думая о ней, а просто делая добро и принося пользу людям. Но он проходит тяжелый путь неуверенности в себе, сомнений, самонаблюдения. Мне кажется, что в нравственной задаче важно именно не решение, а путь к этому решению. И не нужно думать, что я противник социально-тенденциозной литературы. Это совершенно законная художественная форма, может быть, одна из труднейших, рискованных форм, но занимающая свое место как в мировом, так и в советском искусстве. «Будь это не так», — пишет М. Бахтин в предисловии к «Воскресению» Толстого, — добрую половину французского и английского романа пришлось бы выбросить за борт художественной литературы. Но дело в том, что эта форма дискредитирована у нас множеством плохих, сдущих прямо на предмет произведений. По меньшей мере так было в тридцатых, сороковых, пятидесятых годах. Но с тех пор мы многому научились. Организовать художественный материал на фундаменте социально-идеологической идеи, одушевляя его тесной связью с конкретной, вещественной жизнью, и создать таким образом новый современный роман — это тоже одна из задач развивающейся культуры.

Мне бы очень хотелось надеяться, что предстоящий съезд советских писателей именно так оценит наши задачи и перспективы и станет тем, чем должен быть столь представительный творческий форум. Нельзя ведь, в самом деле, продолжать уже изжившую себя традицию формальных докладов. Фактически они уже давно амортизировались. Важные вопросы литературы обходятся по касательной. О значении художественной формы почти не говорится. Причины возникновения «серой» литературы не обсуждаются. Стремится никого не обидеть, хотя кое-кого обидеть полезно и даже необходимо.

У меня такое чувство, что даже в тридцатые годы мы, писатели, были профессионально гораздо ближе к литературе. Мы говорили о своих профессиональных задачах конкретно и нелицеприятно. Я помню, как К. Паустовский, руководивший объединением «Проза», прямо говорил о том, что мы должны защищать русскую речь, что литературное слово падает, что нам надо находить между нами и читателем связь. Он говорил о несудачливости успеха. Он говорил о ненадежности успеха. Обо всем этом сейчас почему-то молчат.

Никто из профессиональных литераторов не хочет задуматься: почему, например, романы Пикюля, которые представляют собой, по моему, отрицательное явление, имеют такой успех? Ведь это говорит о падении вкуса. Конечно, они занимательны, но занимательность пошла. Это занимательность, которая не связана с глубокой мыслью, это времяпрепровождение, а не самоуглубление, которое всегда русская литература предпочитала любому другому чувству. Это та самая массовая культура, которая дешево стоит.

Куда-то исчезла конкретность отношения к художественному произведению. Конкретность — это важное качество оценки, которое позволило бы насчитать, хотя бы приблизительно, скрытую борьбу направлений. Нет прежнего, характерного для времен моей молодости, практического отношения к делу. Теоретический анализ уял. Многие литераторы рвутся к известности, к славе, не думая о том, что слава оплачивается тяжелым трудом, неразрывно связанным с пониманием того, что происходило в литературе прежде.

Самое пагубное, что наблюдаю я сегодня в нашей культуре, — это поверхностность и разобщенность. Мы постепенно стали терять те черты духовности в культуре, которые существовали в ней исторически и которые невольно проявила и сделала действительно ощутимыми Великая Отечественная война. Такой естественной связи между людьми, такого чувства долга, как во время войны, у нас не было ни до, ни после. Все без исключения работало во имя победы. Фронт с неслыханной остротой обнажил внутреннюю жизнь человека. Об этом много писали и будут еще много писать, потому что панорама души, открывающаяся в годы войны, неисчерпаема. И если бы сразу после войны эти черты отваги, мужества, честности, любви к Родине и друг другу поощрялись и развивались, нам не пришлось бы сегодня беспокоиться о том, чему посвящена эта статья.

Но последние годы принесли новые испытания. Сама жизнь складывалась так, что мы теряли понемногу те бесценные черты духовности, которые волюно или неволью подарила нам война. Именно в эти годы сложилась та общественная атмосфера, плоды которой мы никак не изживем до сих пор.

СЕЙЧАС, задумываясь о целесообразности существования, окидывая взглядом то, что я сделал за свою жизнь, я задаю себе вопрос: верно ли то, что я сделал? Нужно ли было это? И чувствую, что некоторые поступки были ошибочны, ложны, а некоторые хоть и ложны, но необходимы для того, чтобы я в конце концов это понял — понял разницу между одними поступками и другими. Может быть, потому, что у меня перед глазами всегда были зримые идеалы, нравственные эталоны, примеры безусловные, я остался верен своим нравственным позициям. Наверное, поэтому в какой-то мере мне все-таки было легче, чем современному молодому.

Сегодня в обществе ощутимо не хватает таких зримых идеалов. Людей, чьи поступки и чья нравственная позиция могли бы послужить безусловным примером для окружающих. Но я не теряю надежды на обновление, я знаю, что расширение гласности может ускорить процесс развития культуры. Когда гласность восторжествует, дурные явления — хамство, стяжательство, коррупция — перестанут разрастаться. Я прожил много лет и верю, что новый период, в который мы вступаем сейчас, — это период необходимый и необратимый.